

ВЯТСКОЕ ВЕЧЕ БОЯРИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВЛАДИМИР БОСИН

Владимир Георгиевич Босин

Вятское вече. Боярин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69691870

SelfPub; 2023

Аннотация

Это вторая книга трилогии "Вятское вече". Ветрами судьбы главный герой, будучи в новом статусе потомственного боярина, попадает в различные ситуации и как он из них выберется вы можете узнать прочитав эту книгу."Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации".

Владимир Босин

Вятское вече. Боярин

1

Это моё первое Рождество в новой ипостаси. Главный праздник для православных. Филиппов пост прошёл для меня незаметно, я искусно манкировал своими обязанностями, за что периодически получал нагоняи от отца Ферапонта. А вот сочельничали мы всем табором, постились до появления первой звезды. Вечерняя трапеза началась с кутьи – ячменной каши слегка приправленной мёдом.

Я, на правах главы семейства, вынужден был придерживаться всех установленных правил. Стоял ночью службу в церкви и принимал славильщиков – соседей, которые ходили по дворам "с вестью о рождении Христа". В сам день Рождества наши женщины испекли калачи из особого теста, а также налепили фигурки животных из теста. С ними мои оболтусы пошли по соседям, вручая гостинцы.

На рождественском столе у нас богато по местным меркам. Шуда с напарником завалил накануне молодого кабанчика и мы запекли его целиком. Для любителей диетического питания зажарили гуся, короче говоря мы не голодали.

Я посматриваю, как мои ребята разговевшись и приложившись к мёду устроили шуточное толковище. Они спорят, кто лучший стрелок – Юргас, Лют или мой Шуда. Все не по-

наслышке знают с какой стороны взяться за лук. Но на мой взгляд нельзя сравнивать этих несомненно хороших лучников. Шуда охотник, а к примеру Юргас типичный наёмник со своим кодексом поведения.

Чтобы погасить возбуждение решил с утра провести соревнования между желающими. Призом выставлю свой кинжал из нержавейки. Он имеет немалую ценность среди местных благодаря своим свойствам.

С утра позавтракали и дружно вывалили на улицу. Народ начал на пустыре готовить мишени. Я, как глава этой шайки вместе с Трифоном важно проверяем предъявленные стрелы и луки, чтобы все находились в равных условиях. Вышли пятеро желающих, кроме той троицы заявили ещё Ерофей и мой Пахомка. Последний идёт вне конкурса ввиду маломощности лука и отсутствия опыта. Используются только стрелы с кованными бронебойными наконечниками. Они имеют четырёхгранную форму и предназначены для пробития защиты.

Стреляли по очереди, после ответственной комиссия проверила результаты. Немного неожиданно выиграл мой немой, он оказался наиболее точен. А вот в соревнованиях на скорость выиграл Юргис, он уложил в цель со ста ярдов двенадцать стрел где-то за минуту. И ни одна не ушла в "молоко".

Последнему я и вручил свой кинжал, а Шуда получил денежную компенсацию. У него свой похожий имеется.

Я не просто так избавился от кинжала. Он как бы лишний у меня получается.

После обдумывания вопроса моего вооружения мы с помощниками пришли к выводу, что мне к секире нужен лёгкий меч.

Секира хороша, когда есть место для размаха и нет рядом соратников. Вот тогда вражина берегись. А вот в условиях теснины боевой свалки мой кинжал слабоват.

Семён, прикинув все за и против, предложил отковать лёгкий меч, который будет достойным оружием в ближнем бою. Клинок я уже видел, похож на римский "гладиус". Длина клинка 65–70 см, общая 85 см, весит около килограмма. Он имеет характерную листообразную форму с выраженной талией. Этим мечом можно и резать и рубить, хорош в тесном строю. Толщина клинка позволяет парировать полновесные удары меча или сабли. Сечение рукояти круглое, но пока я не видел окончательный результат. Семён доводит мой меч до ума.

Меня радует, что отношения между моими парнями носят соревновательный характер. Но не переходят грань, они конечно пока не притёрлись друг к другу и рано говорить о прикрытии спины в бою. Но я это исправлю.

Литвины держаться немного наособицу и я стараюсь приблизить старшего, Юргаса. Также держу при себе Трифона. Тот по первой старался держать дистанцию, но потом оценил близость к хозяину. Ему лучшие плюшки достаются, заодно

выделив его, вношу разобшение с его командой. Ну и Шуда с Пахомкой всегда рядом. Первый незримой тенью держится чуть позади, а мой оруженосец наоборот готов сорваться с места, исполняя поручение и пытаюсь предугадать мою мысль.

К сожалению, никакой рождественской ёлки не было. Но детвора и взрослые веселились, они накатали крутой спуск с обрыва на гладь замерзшей реки и теперь с визгом и хохотом развлекаются.

Сначала отмечали двенадцать дней святок, потом настал черёд Крещения Господня. В этот период сельчане не работали. Не доносится перезвон молотов из кузни, не выходят на лёд рыбаки. Только бабы с утра суетятся, скотину то обиходить надо.

Мне быстро надоело бездельничать и я стал гонять своих, заставляя совершать пешие и конные вылазки вокруг села. Обязательны воинские упражнения. Трифон взялся подтянуть меня в воинской науке с мечом, крепыш Агафон показывает новые приёмы работы с секирой, ну и Шуда не забывает погонять меня с копьём.

Воинские упражнения не запрещены в праздники, поэтому нам и раздолье наступило. Постепенно выработался график занятий.

После завтрака время для упражнения с оружием, то есть спарринги. Для этого изготовили деревянные макеты оружия, чтобы не пораниться. Потом хозработы, всё-таки две

бабы с Митяем не справляются с нашим бытом. Нужно завести дрова, поправить завалившийся забор и прочие бытовые мелочи.

После этого мы выбираемся на объезд окрестностей. Кроме дороги по руслу реки, проторены санные пути к деревенькам. Вот по ним мы и передвигаемся. Съехать с дороги на лошадях невозможно, снегу по пояс.

Сельчане говорят, что иногда на дороге озоруют деревенские, могут приголубить палкой по голове и забрать имущество, поэтому мы и обозначаем своё присутствие. Чтобы даже мыслей не возникало.

Со старостой Драганом у нас договор, если будем дозором ходить по дорогам и гонять волчьи стаи от села, то община возьмёт наших коней на довольствие. Они обеспечат сеном наших шестерых коняшек.

Поэтому периодически устраиваем облаву на волков.

Шуда выслеживал стаю, а мы по утряне устраивали облаву. Шумно заходили в лес и гнали серых на засаду. Там уже наши лучники старались проредить стаю. Часть оставалась лежать, пятная девственный снег красным. Остальные уходили вглубь леса. В результате мы с прибытком в виде волчьих шкур, а сельчане могут без опаски перемещаться между деревнями. Даже зимой жизнь не замирает. В деревнях у наших есть родня, вот народ и мотается, заодно меняя нашу рыбку на лесную продукцию.

Как прошли праздники, Семён возобновил работу и я на-

конец-то получил свой меч.

А мне нравится, ухватистая рукоять, так и просится в руку. Ведь мастер делал оружие под меня, под мою немалую грабку. Конечно, с этим уже можно выйти в круг. Кинжал совсем для других дел, добить противника, вскрыть противоречия с бездоспешным собеседником, то бишь выпустить кишки. А вот мой меч достойно выглядит в этом плане, коротковат конечно. Но будущее показало, что мои длинные руки нивелируют этот недостаток. Зато компактен и не мешает в движении.

Семён за отдельную плату отремонтировал броню и оружие моим парням. Я же оснастил их щитами моего производства, все получили тёплые плащи с моим клановым тотемом, волком.

Мы выйдем не просто случайным сборищем, а боевым отрядом.

Для улучшения боевого духа я часто устраиваю соревнования. Кроме стрельбы мы фехтуем, занимаемся борьбой и бегаем в полном облачении по глубокому снегу. Последняя дисциплина наименее любима народом. Только мой личный пример не позволяет послушаться.

Мне просто не понравилось, как тяжело дышат мои вояки после небольших нагрузок с полной выкладкой.

Соревнования по стрельбе идут с переменным успехом, в зависимости от выбранного регламента. Из мечников наиболее успешные Трифон и Гинтаутас, который теперь отзыва-

ется на Сашку. В борьбе мне нет равных. Здоровяк Агафон, после того как я повалял его по снегу, швыряя как кутёнка, стал моим верным поклонником.

Мой батя, будучи мастером спорта по вольной борьбе не упустил случая понатаскать меня. И хотя я поленился идти в секцию борьбы, но знал массу приёмов, как завалить противника. Разнообразные броски и подсечки. Агафон постоянно попадает на "вертушку" и "мельницу". У меня хватает здоровья таскать мужика по утопанному снегу, в конце схватки у того глазки сходятся в кучу. Но в восторге он умоляет показать ему секретный приём.

Постепенно холодок недоверия растаял и у меня наклёвывается неплохой коллектив. Литвины потихоньку учат местный язык. После того, как я отмазал их от домогательств отца Ферапонта, парни держатся ближе ко мне. Я обещал, что не стану их неволить и склонять к веропредательству, и я сдержал слово. Но это стоило мне совсем неприличной суммы денег. За свой счёт я поднял пристройку к церкви и сейчас она уже двуглавая. Отец Ферапонт, как коршун, накинулся на прибалтов, склоняя к смене веры. Каждый божий день отводил их в сторону и настойчиво тыкал рукой по маковкам. А у парней, по-моему, это большая тема. После того, как бывший хозяин силком вбивал им любовь к православию.

А по мне, так пусть молятся своему богу, лишь бы вели себя не по-скотски.

Они по-прежнему держатся особняком, общаются в ос-

новном со мной на немецком. Хотя уже начали перекидываться шуточками с остальными.

Приближая к себе Трифона, я преследовал две цели.

Первая, это получить вменяемого парня в ближники. Очень важно в бою, чтобы тебе прикрыли бок и спину.

А ещё, я заметил, что остальные ревностно относятся к его возвышению и отдаляются от его старшинства.

А в совместных упражнениях они теперь на меня смотрят, а не на Трифона.

Я занимался не только боевым слаживанием и вылазками по окрестностям.

Наша троица, больше людей я не собирался посвящать в свои дела, исчезла на несколько дней. Мне удалось сварить ещё три кубовых ёмкости для самогонварения. И к ним всё сопутствующее, занимались мы этим в сарае. Парней усылал с утречка на объезд леса, а сами работать.

Кроме этого местный гончар продолжает работать на меня. Он делает бутылки двух видов. Они похожи, только на одни он наносит схематичное изображение дуба, а на другие ягоды. Он наносит разведённую с жиром глину белого цвета, заполняя рисунок. Получается симпатично и ни на что не похоже. Ёмкость прежняя, около литра.

Деньги пока есть, Семён перековывает прутки на оружие и готовит к продаже, скоро повезём в город. Я уже соскучился по людскому гомону, по компании Григория и его по-

братимов. Соскучился по толчее рынка и запахам восточных лавок. Поэтому, как только Семён сообщил, что партия оружия готова, мы сразу выехали.

Шесть всадников и сани выметнулись на простор реки Вятки. Лошади, как и люди радуются походу. Я привык к моей "Крошке", уже не мучаюсь от того, что натёр между ног язву. Тело само подстраивается к движению лошади. Два всадника держатся чуть впереди, остальные сопровождают сани. Я мотаюсь туда – назад, радуясь хорошей погоде и предстоящей встрече с приятелем. В санях едут безлошадные литвины, Прохор и мои сподвижники. Не помешало бы прикупить ещё четыре лошадки, чтобы мы стали мобильным отрядом.

Встречаясь с купеческим караваном мы останавливались и поздоровавшись, степенно обменивались информацией о пройденном пути. При отсутствии телеграфа и интернета здесь новости распространяются от человека к человеку. Поведав, что никого не встретили, всё спокойно, мы узнали последние новости с Хлынова.

Об изрядной драке между новгородскими ушкуйниками и местными, даже посаднику пришлось вмешаться. Всех покидали в холодную и теперь разберутся и накажут невиновных, зачинщиков пожурят и отпустят. Всё как всегда, коррупция и взятки. Попрощавшись продолжили путь.

Если бы не сани, можно было бы к вечеру добраться до города. А так пришлось остановиться на ночёвку.

Совместный поход сблизил нас, каждый знает, что ему делать. Пока Пахомка ломанулся за сушняком, парни занялись лошадьми. Тщательно протёрли их, накрыли тёплыми попонами и дали овса. Весело затрещал костёр, Василий поставил большой котёл, варить кулеш. Я, как важная персона бездельничаю, сижу рядом и наслаждаюсь чистым воздухом и красивым видом. Заходящее солнце подкрашивает лес, заметна тень от него, поглощающая верхушки деревьев. Пять минут и наступила зимняя ночь. Слышно, как переговариваются ребята и всхрапывают лошади.

Я доволен прошедшим днём, мы ехали в полном облачении. Только щиты оставили в санях, если что, быстро похватаем.

Я вооружён коротким мечом, висящим в ножнах слева. Сзади справа в кольце мой чудо-топор, поначалу он мне сильно мешал. Ни сеть, ни пробежаться с ним. А сейчас ничего, привык. Чуть рукой придержу, чуть сдвину в сторону, сам перестал замечать его тяжесть. А ежели что, одно движение руки и вот он, – а кому тут пиздю..й захотелось?

Копьё приторочено к седлу конструкцией из кожаных ремней. При необходимости можно быстро выхватить и направить в нужную сторону.

В город въехали в первой половине дня, проскочили не задерживаясь посад и, заплатив пошлину втянулись в город.

Так, первым делом пристроить привезённое оружие. Спешившись и оставив на большом пустыре большую часть ко-

манды, мы довели тяжёлые свёртки до нужного места.

Семён наловчился через знакомого торговца скидывать большую часть своей продукции оптом восточным купцам. Те не торговались, давали хорошую цену. Они уже убедились в качестве товара и их представители периодически заходили в лавку, ожидая поставок. Местным уходили считанные единицы необычного оружия.

Сам Прошка останавливался у знакомых отца и на этом мы распрощались. Я намереваюсь пробыть здесь неопределённое время, пока не надоест.

Возвращаясь к месту, где оставил своих бойцов и лошадей, обнаружил некую дисгармонию. Мои так и стоят, ослабленные, мы добрались до города и скоро окажемся в тепле. Ребята радостно переговариваются, предвкушая сытную трапезу и городские развлечения. Вот только Шуда подтянулся ко мне поближе и Пахомка прикрыл тыл. Недалеко от нас группка молодых людей, по виду не простые, вооружены достойно и держатся как хозяева жизни. Наверное бояре или боярские дети.

Я подошёл к своим и собрался вскочить на "Крошку" которую придержал Пахом, как вдруг резкий звук заставил обернуться.

Один тип из той группки вооружённых людей с криком, – держи татя, держи душегубца, – выдвинулся в нашем направлении. Время для меня остановилось, я замер в шоке от происходящего. Парень сделал несколько шагов в нашем

направлении вдруг сорвал лук и ловко наложив стрелу выстрелил в меня.

Моё тело в попытке среагировать, сжалось в тугую пружину. Мышцы взорвались, пытаюсь увести меня с траектории стрелы. Но я отчётливо понял, что не успеваю, это выстрел почти в упор. Я даже отслеживал полёт стрелы, краем глаза успел отметить, как мои парни начали реагировать, но поздно.

Дальше время пришло в нормальное состояние. Метнулась тень с боку и раздался болезненный вскрик.

Шуда со стрелой в груди падает на грязный снег. Я вижу его закушенную губу и мертвенный цвет лица.

Удар тела о землю, а убийца продолжает двигаться к нам. Только лук отброшен в сторону и он тянется к ножнам сабли.

На автомате я протянул руку и достав секиру с лёгким замахом запустил в ненавистного врага. Я особо не отработывал броски секирой, она не предназначена для этого, баланс другой. Но во мне вспыхнула ярость и столько силы я вложил в бросок на пятнадцать метров, что снаряд пролетел как из пращи и врезался шипом в грудину нападавшего. Я не думаю, что нанёс ему летальные повреждения острым накопчиком. Но увечья от жёсткого удара он однозначно получил. Останавливающее действие на лицо, перед нами лежит куча одежды, человек извивается в попытка вздохнуть, хрипит, пуская пену.

Дальше больше, его спутники окружили нас. Ребята, надо

отдать им должное, не растерялись, сразу взяли меня в кольцо, оцетинившись на все стороны оружием. Вот только беда, врагов в несколько раз больше. Пока вооружённая свара не началась, соперники кричали, но не решаются атаковать, всё-таки мы в центре города, поблизости от вечерней площади.

Ситуация изменилась, когда к нам подбежали местные воины из охраны. К сожалению я никого толком не знаю, а вот супостаты похоже здесь свои. Нас окружили, меня подхватили под ручки и потащили куда-то в сторону. Я только успел крикнуть Пахомке, – найди Григория, – и меня уволокли к комплексу деревянных зданий. Через пару минут пинком толкнули в какое-то помещение и я остался один, дверь захлопнулась, заскрежетал засов.

Только сейчас я смог успокоиться и начать соображать.

Итак, что произошло, почему на нас напали в центре города. Откуда такая немотивированная агрессия? Что с Шудой, я видел, как дрожит хвостовик стрелы в его груди. Видал его взгляд, ставший спокойным, будто он познал некую, недостижимую ранее истину.

Вопросов больше чем ответов, на мои попытки постучать в дверь, чуть не получил палицей по голове от охранника.

Пришлось устраиваться, средних размеров помещение, земляной стылый пол, немного гнилой соломы в углы, я поторопился её сгрести под задницу. Сверху маленькое окошко, закрытое мутной плёнкой, это единственный источник

света. В противоположном углу некая посуда, судя по мерзкому запаху – это нужник.

Весьма быстро я начал замерзать, чтобы не дать дуба, стал разминаться, сразу полегчало. Но, что же будет ночью?

Скоро почувствовал голод, но до вечера никто не вошёл в мою камеру.

Ночь было ужасна, чтобы не заоченеть, приходилось отжиматься от пола и приседать. Когда утром загредел засов и сунулся охранник, я даже не отреагировал. Конечности почти не чувствовал, встать и то проблема. Вошло двое, подхватив меня под руки потащили наружу, пара коридоров и меня втолкнули уже в другое помещение. Здесь посветлее и главное тепло, рядом печка. Когда я очухался, мне принесли воду в кружке и еду. В корзинке полкаравая хлеба и шмат мяса. Прямо-таки королевская еда.

Закончив с едой я с удовольствием растянулся на свежей соломе. После кошмарной ночи от еды и тепла потянуло в сон. Проспал до вечера, ко мне никто так и не пришёл. Суки, что за беспредел. Когда организму не нужно бороться за выживание, сразу включаются другие инстинкты.

Накатила ярость, хотелось начать громить и убивать. Но, успокоившись, я задумался. А в честь чего мне так улучшили камерные условия. Я вспомнил ещё тёплый каравай и отварное мясо. Сомневаюсь, что тут так всех узников потчуют.

Ответ я узнал утром, мне опять принесли еду, только на сей раз пироги с рыбой. А потом стремительно вошёл посе-

титель.

Мы обнялись, Григорий всё такой же, с улыбкой смотрит на меня.

– Ну что, тать и разбойник. Как докатился до жизни такой?

Нашлось и объяснение произошедшему.

Оказывается, что тот подонок, который подстрелил Шуду и хотел прикончить меня, боярский сынок. Он с дружками обратил внимание на мою лошадь. Его папаша пропал некоторое время назад, сгинул в лесу вместе со своим отрядом. Домочадцы уже смирились с несчастьем, благо имелся наследник, который сразу перенял отцовское место.

А тут вдруг, парень увидел нашу компашку и опознал любимую папашину лошадку, с которой тот никогда не расставался. Вот он и решил разобраться с теми, кто, по его мнению, причастен к исчезновению родителя.

– Так что получается, что ты тать и убивец. А уж как ты его чуть не прибил, видело масса народу.

– Так он жив?

– А куда он денется, правда пока лежит, уж больно хорошо ты его приложил. Но, хорёк, жалобу в вечеровой суд он подал. Так что жди, будут разбираться. Я конечно скажу за тебя слово, но это как посадник посмотрит. Понимаешь, этот Иван потомственный дворянин, а у тебя нет никаких грамот, свидетельствующих о твоём высоком положении. Или есть?

– Не, – я отрицательно мотнул головой, – а как говоришь

зовут этого страдальца?

– Так Иваном Тимофеевичем Вельяшевым.

У меня забрезжило понимание, – стой, так Тимофей Вельяшев – его отец?

– Ну да, а ты что, его знал?

– Доводилось.

Через десять минут повеселевший Григорий прощался со мной.

– Значить, придёт человек один, он бывший писарь в разбойном приказе. В своём деле разбирается добре, всё, что рассказал мне, обскажешь ему. А мы ещё поборемся, эта семейка тут многим поперёк горла встала. А я тебе обеспечу достойное твоему положение сидение, – и Гриша неожиданно заржал.

Вот же конь, у человека беда, а ему развлечение.

На этом свиданка закончилась и я остался один, со своими мыслями.

Вот теперь всё понятно, я помню это имечко, барин Тимофей Вельяшев. Так пленный разбойник назвал своего хозяина, сложившего буйную головушку на стезе грабежа от стрелы моего Шуды. Вон оно как в жизни, такая же стрела забрала и жизнь моего товарища от сына бандита. Интересно, сынок участвовал в папашиных делишках? Уверен, что да, такое не утаишь.

Человечек скользнул в мою камеру ближе к вечеру.

Голос тихий, вкрадчивый. Сам сублильного телосложе-

ния, водянистые глаза и редкие волосики на черепе бросились в глаза, когда тот снял шапку, поздороваться со мной. Короче какой-то гоблин – заморыш. А еще постоянная капля под носом. Одет скромно, как положено человеку его происхождения.

Но когда тот начал меня расспрашивать, я обрадовался. Товарищ сразу ухватил понимание ситуации и вымотал меня капитально, вытягивая известные мне факты.

– Понимаете, господин, сейчас всё против вас. Вы, пока для суда, из подлого сословия. Напали на боярина, пытаетесь лишить живота. На наше счастье, он жив, правда говорят, что ненадолго. Лекаря приводили, так тот сказал, что надо попа звать – не жилец.

– Так вот, сейчас видоки говорят то, что вы напали на боярина.

– Как это напал, вы ахренели что ли? Он убил моего человека, а только потом я в ответку метнул секиру.

– Да, но по "русской правде" дворянское сословие не подлежит наказанию за смерть смерда. За это полагается вира три новгородских гривны, который будут взысканы в пользу князя или города.

– Да он не был холопом. Шуда свободный охотник.

– Это меняет дело, – согласно кивнул Игнат, так звали моего нового помощника.

– Тогда возьмут двенадцать гривен, как положено.

Игнат начал мне рассказывать какую виру и за кого берут,

а я в ярости грохнул кулаком в деревянную стену.

Боль отрезвила меня, я помолчал, а Игнат испуганно отошёл подольше.

– Понятно, только ведь Этот Иван целился в меня, а Шуда успел закрыть от подлой стрелы.

– Ну, мы опять возвращаемся к сословным различиям. Если нам удастся доказать, что Вы дворянского происхождения, то тогда это полностью переворачивает дело.

Далее я выяснил, что доказательством дворянского происхождения служат не только жалованная грамота, а также выписка из родословной книги, владение деревней или служба владельцу, князю или царю. А вот тут есть зацепки.

Проговорив часа два мы расстались, я рассказал, всё что знал. Есть видоки разбойного нападения на караван, это мой Митяй. Но главное те трое купчин, которых я практически спас от смерти. Их свидетельства нам пригодятся. А ещё немало послухов, которые слышали от других о геройствах семейства Вельяшевых.

Время потянулось как резина, мой день проходил уныло и скучно. На еду и условия грех жаловаться, меня даже стали выводить во двор, это Гришка постарался. Игнат приходил ещё раз, я выдал ему аванс – золотой дирхем. Так-то у меня забрали оружие и кошель. Но там была медная мелочь и пара серебрушек. А основная казна во внутреннем кармане брюк сохранилась. После этого Игнат заметно повеселел и события ускорились.

Явление местного батюшки меня даже порадовало, от скуки готов был даже со стражником обсуждать проблемы здоровья его тёщи.

Святоша отличался в лучшую сторону одеждой от отца Ферапонта, к тому же на пузе большой золочёный крест говорил о том, что передо мной местное церковное начальство.

– Сын мой, – дородный мужчина сунул мне свою грабку для поцелуя. И хотя я не приемлю это, посчитал лишним выёживаться.

Архимандрит Феодор, он же настоятель Свято-Успенского монастыря, он же глава местной епархии вскармливал вятских прихожан.

Начал мужчина с наезда, – мне слали весточки о новом прихожанине, нурманском княжиче, который осел в селе неподалёку. Так вот отец Ферапонт жалуется, что не проявляешь ты рвения к службе, в церковь ходишь редко.

Я, потупив голову, внешне с почтением внимаю речам важного сановника, а сам прикидываю, как его облапошить.

– Что скажешь в своё оправдание?

Выдержав паузу я отвечивал, – а то и скажу, что прав отец Ферапонт. Редко посещаю церковь. Но не потому что рвения нет, а потому что стесняюсь того, что не знаю, как вести себя в божьем храме.

Короче налил я непривычному к подобному фарисейству монашу по самую шапочку. К тому же я подчеркнул, что готов жертвовать матери-церкви немалые суммы, а еще при-

возить из походов погрязших в грехах язычников и схизматиков, на перевоспитание. И разговор потёк совсем иначе:

– А покажи как мне свой крестик, сын мой.

Полюбовавшись на изделие ювелиров будущего, на тщательно сделанную фигурку Христа, на затейливую цепочку он удовлетворённо кивнул.

– А скажи как "Символ веры"

Хм, да я эту молитву выучил в первую очередь:

– Верую во единого Бога Отца,

Вседержителя, Творца небу

и земли, видимым же всем

и невидимым.

И во единого Господина Иисуса

Христа, Сына Божия,

Единародного, Иже от Отца

Рождённого прежде всех веков;

Света от Света, Бога истинна от

Бога истинна, рождённа, несотворенна,

единосущна Отцу, Имже вся бывша...

При этом у меня выступили слёзы на глазах а крестик я крепко зажал в руке.

– Молись, чадо мое и бог тебя не оставит.

Мне кажется, что церковнику понравилось моё рвение. В любом случае лишний голос в мою пользу не помешает.

Когда я уже потерял счёт времени, пришёл Игнат и сообщил, что завтра состоится суд.

Моя защита в его лице и с поддержкой Григория со товарищами добились, чтобы судили "сместным" судом. Это совмещенный суд посадника, князя, церковный и общинный. Ну, князя у нас нет, поэтому будут представители дворянского сословия.

С утра меня накормили и Гриша передал свежую одежду. Нужно предстать в соответствии с моим высоким положением. Меня же повязали в дорожной грязной одежде, да я ещё провалялся в ней недели полторы по загаженным углам.

Судилище состоялось в большой избе недалеко от моего отсидки. Пока вели, мне показалось, что в толпе мелькнуло лицо Пахомки.

В большой комнате сидит пара десятков человек, меня заставили стоять, нет даже места присесть. Чуть позади Игнат нашёптывает мне, представляя присутствующих.

– Во главе сидит Василий Семёнович Ардашев – наш посадник, по правую руку архимандрит Феодор.

Мне показалось, что святоша мне улыбнулся.

– По левую судейский староста, далее представители дворянства и купечества. Представители потерпевшей стороны сидят на лавке вдоль окна.

Да я уже догадался, семь тушек, преимущественно среднего возраста злобно поблёскивают на меня глазками.

Я же одет в свои парадные одежды, в таких не стыдно и к князю в гости зайти. Вот только безоружный пока ввиду своего временного статуса.

По другую сторону Григорий с несколькими товарищами. А ещё зеваки толкуются снаружи, как же, пропустить такое развлечение. А если приговорят к казни, так это просто песня, будет о чём рассказать дома родне. Такие времена, развлечений мало, а цена жизни – копейка.

Я знаю, что всё упрётся в мою сословную принадлежность и нас имеются намётки. Ежели меня признают равным Ивану Вельяшеву, то тогда он понесёт ответственность за деяния папаша.

Действо разворачивается не торопливо, посадник грозно хмуря брови начал спектакль под названием "феодалный суд". Мужичу интересна моя персона, не каждый день увидишь предположительно норманского княжича. Он посадничает то только второй месяц из шести, отпущенных вятским вече и пока ему интересно происходящее.

Как обычно начал прокурор, то есть представители пострадавшей стороны. Меня быстренько оклеймили смердом, посмевающим поднять руку на боярина. Посадник при этом морщился, что меня порадовало.

Далее меня обвинили в душегубстве и разбое, напомнили о великих заслугах покойного помещика, его предков и сынулю при этом не забыли.

Три боярина из числа приближённых к пострадавшему громко напоминали, как отец и сын страдали за народ на военном поприще.

Закончить им не дали, встал Фёдор Отяев, Гришкин по-

братим и начал мощно возражать, – да все тут знают, как Тимофей Вельяшев жаден был до чужого. Сколько раз ловили его с сыночком за руку, когда совали лапоть в общую казну.

Тут поднялся гвалт и староста визгливым голосом стал призывать народ успокоиться.

Высказавшись, прокурорские присели, гордо посматривая по сторонам.

Ввиду отсутствия здесь адвокатов, как таковых, ответить мне придётся самому.

Я рассказал обществу свою историю, подтвердив, что мой папахен настоящий ярл. Сущий дикарь и варвар, съедающий на завтрак головы невинных православных. И как я пытался с ним бороться, в результате бежал на новую родину. Сделав этот экзорцизм в сторону святоши, что вызвало у того поощрительную улыбку, я продолжил по существу.

Рассказал историю нападения, упомянул имена купцов и видоков. Упомянул про слова пленных и про самого хозяина, получившего в свалке стрелу. Расписал коварство его сынка, который вместо того, чтобы притянуть меня к ответу через вечевой суд или вызвать в круг божьего суда, подло напал на неожиданного подлости княжича.

По-моему неплохо сказал, но слова Игната опустили меня на землю.

Что за херня, ведь картинка ясна и вина понятна.

– Решение примет посадник после того, как все выскажутся. А тут бабка надвое сказала. Если не признают Вас бояря-

ном, то могут назначить большую виру. Покушение с Вашей стороны на боярина было "в сваде" (в состоянии аффекта, во гневу или выпимши), за это полагается только вира, тем более Иван Вельяшев жив.

– А вот ежели сместный суд признает ваше право, то тогда всё просто замечательно.

Оказывается есть три вида преступлений, за которые полагается самое тяжёлое наказание в виде казни и разграбления имущества.

– Разбой, ну это то понятно. А вот остальные у меня в голове не укладываются.

– Поджог и конокрадство.

Игнат объяснил, что по "русской правде" все эти преступления относятся к государственным. Умышленный поджог может привести к уничтожению города. А хороший боевой конь сейчас стоит как несколько деревенок.

Меня увели назад в камеру, оставив мучаться в ожидании.

Весь день никто не посещал, а по утру, даже не дали позавтракать, опять повели на суд.

Только на сей раз в большом помещении судебной избы присутствовало всего несколько человек.

Посадник, архимандрит, судебный староста и новый для меня боярин.

На сей раз дозволили сесть, что показалось мне хорошим знаком.

Я сильно волновался, иди-знай этих типов, вдруг прису-

дят длительный отдых путём усекования головёшки.

Заговорил посадник, сегодня он ведёт себя попроще, без вчерашних понтов.

– Ну мы, значиться поговорили с обществом. Выслушали мнения его высокопреподобия, служилых бояр и купечества.

Последнее слово вызвало у посадника грусть в глазах, видимо состоит в контрах с ними.

Ну, хорош тянуть. Посаднику бы в шоу про тесты на ДНК участвовать. Там тянут резину, перед тем как объявить, является участник любимым чадом умершего актёра или шельмует.

– Значится, дело переведено в разряд государевых.

Я с трудом от волнения и казённого языка продираюсь сквозь дебри повествования.

Когда посадник закончил, я растерянно оглянулся на Игната. Но, судя по его улыбке, мы выиграли. А мужичку есть о чём радоваться, я пообещал ему ещё золотую монету. Знаю, что два дирхема, с учётом выплаченного, ему лет десять надо зарабатывать.

Под занавес вышел из состояния спячки незнакомый боярин и с разрешения посадника задал интересный вопрос:

– Я тысяцкий из Великого Новгорода, Данила Иванович Бутурлин. А скажи нам уважаемый, откуда у тебя тот дивный уклад, мечи из которого ржа не берёт и сабля тупится. В чём тут секрет?

Хм, прознали всё-таки. Как ни старались мы скидывать

оптом восточным купцам, часть ушла через местных.

– А особого секрета нет. Во владениях моего отца есть местечко, где никогда не бывает лета. Круглый год снег.

– Слышал о таком, – поторопился подтвердить незнакомец.

– Ну вот, иногда с неба падают большие камни и пробивают толщу снега и льда. Находятся умельцы, откапывают те камни и переплавляют в уклад. Мы их называем небесными камнями.

– Вот оно что. И много везут такого дивного уклада к нам?

– Хм, скажем так. Это моё наследство от бабушки, в другом месте найти не просто.

2

Из судилища меня вывели на свободу. А уж тут Гришка с парой товарищей и вся моя банда. Пахомка на радостях кинулся ко мне и уткнулся в ноги. Особенную радость я испытал, когда узнал, что Шуда жив и отлёживается на постоялом дворе. Его посещает лекарь, проверяя повязку.

В себя я пришёл только в бане. Вернее перед баней в мыльне, когда сидел голый в оцепении.

– Ну, айда париться, – это Гриша, Фёдор Отяшев и Михайло Безобразов присоединились к процессу.

В парилке меня обиходил банщик. Первое посещение парилки я не чувствовал жара, мужики выбегали, а я лежал на верхней полке. А когда окунулся в снег, вдруг пробило. Я

глубоко, до боли в лёгких вздохнул и меня отпустило.

Будем жить братцы, будем жить. Всё, что нас не убивает, делает крепче.

Второй круг в парилку я уже сделал осмысленно, а потом мы сидели, закутавшись в простыни в предбаннике и баловались пивом. Я резко почувствовал вкус к жизни. Пиво показалось удивительно вкусно.

Мясная нарезка и соленья улетали в утробу со страшной силой. Мои собутыльники оказались удивительно хорошими и отзывчивыми людьми. Я понимаю, что захмелел и это отходняк после камеры, но это не мешало мне наслаждаться моментом.

А когда открылась дверь и заскочили молодые женщины, мои сотрапезники предались блуду.

И я не стал отставать, подхватил ближайшую и усадил на колени. Довольно молодая дебелая девка, немного полноватая, но с впечатляющийся выпуклостями.

А что мучать плоть, я же княжич. Схватив ту за руку, потащил искать уединения. В соседней комнатушке завалил на лавку, оголив бёдра ворвался в податливое тело. На меня что-то нашло, я будто мстил девчонке за свой испуг, за ожидание смерти. Мы свалились на пол и там я терзал мягкую и послушную женщину. Та, жалобно постанывала, но крепко держала меня за плечи.

С рычанием разрядился и обмяк на ней. Пролежав минут пять встал.

Передо мной лежит голая женщина и смотрит на меня. Она разбросала руки ноги, бесстыдно показывая заросший пах и волосы под мышкой.

Я начал облачаться, но тело сейчас довлеет над разумом. Жадно рассмотрев рыхловатое белое тело почувствовал возбуждение.

Рывком подняв женщину прижал к тёплой стенке и вошёл сзади.

Мы двигаемся в унисон, женщина приловчилась и подмывает мне, подавая пышную задницу мне навстречу. От этого ощущения обостряются. Я мну полную грудь и периодически смачно хлопаю по заднице, оставляя красные следы.

Женщина слегка постанывает, но эта Евина дочь явно получает кайф, работает уже на себя, чуть повернув задницу.

Когда она громко застонала, я не смог сдержаться и быстро догнал её.

На прощание подарил девке четвертину и довольный вышел в общую комнату. Много дал девке, отберут ведь серебришку у неё, лучше пятак было выделить. Но возвращаться лень.

– Смотри, у тебя два варианта. Если первый не нравится, то сработает второй.

Прошло три дня, как я гошу у Григория. Я уже привык к изменению положения. Как говорится от тюрьмы и сумы не зарекайся. Первой я вроде успешно избежал. Второе пока не грозит.

Григорий уже час склоняет меня жениться. Прикол в том, что высокий суд порешил считать обоих Вельяшевых татями и разбойниками. За это полагается или казнь с лишением имущества или рабство с разграблением имущества, что немногим лучше. Всё идёт, естественно, в казну посадника. Но тут вот какая хитрость, оба подсудимых на том свете. Да, младший Ваня не перенёс встречи с моим снарядом, думаю помер от внутренних кровотечений, чем избежал позорной участи. Из семейства остались дочь и супруга старшего Вельяшева. Их посчитали тоже соучастниками, ну не могли они не знать о делишках своих мужчин. Папаша действовал на поприще разбоя без малого пять годин, он же должен был где-то прятать имущество, товар и окровавленную одежду. Да вся деревенька знала об этом, что и показало дознание. Просто с подневольных крестьян взятки гладки, а вот дочь с супругой пойдут как соучастницы. Их продадут в неволю, а имущество опять-таки толкнут с молотка.

И вот тут прорезался интерес местных властей. Они знают, что я не бедный человек, а продажа имения больших денег им не принесёт, в лучшем случае уйдёт в казну и будет временно подарено служивому человеку за службу ратную. Вот и предложили умные люди комбину – я женюсь на доченьке Тимофея Вельяшева. Тем самым автоматическим стану боярином, получив в вотчину не самое хилое имение с деревенькой. А город, соответственно не будет разграблять вотчину, переоформив на меня.

Отторжение вызывает даже не необходимость жениться. По нынешним временам достаточно пару раз зайти к ново-бракной и забыть за неё, наслаждаясь другими любушками. А вот брать ненавистную фамилию семейства, чуть не погубившего меня и моего ближника – от этого меня корёжит. Если нельзя взять родовую – Богачёв, то придумаю другую.

Но тогда придётся выкупать деревеньку за чистое золото, тут уж меня обдерут как липку, городские власти понимают, что у меня выхода нет особо. И я склоняюсь к этому варианту. Чтобы называться боярином достаточно выкупить деревню, а имение пойдёт под разграбление.

С помощью нужного человека я и подал просьбу на выкуп деревни. Этот проходимец за три серебряные денги помог мне найти лучший выход. Ну так он всего лишь писец, но от него зависит, где поставить запятую.

– Деревенька Микшата, в трёх верстах от города. Три десятины и одна четь, двадцать семь хозяйств, согласно последним сказкам 77 взрослых, не считая детей.

– Ага, бывший помещик почти всех взрослых мужиков положил на разбое, я сам лично тому свидетель, – обломал я кайф важному чину из городского совета, который ведал вопросами имущества.

– Да, может быть, но у меня так записано, – смутился предшественник знакомых мне муниципальных чинуш, которые ездили на Мерсе, имея весьма небольшие зарплаты.

– Но может мы договоримся?

– Договоримся, о чём? – сделал я грозный вид и тупое лицо солдафона.

– Ну, например, Вы не замечаете, что стало несколько меньше душ, а мы оформим на Вас и имение.

– А на хрена оно мне, курятник с бабами. Проще сжечь всё чертям собачьим, – взревел я, отрабатывая образ недалёкого вояки.

– Можно ещё добавить часть берега, если поставить там пристань, можно купцов привадить. До города то рукой подать.

В результате я стал обладателем грамоты, удостоверяющей моё право на деревню Микшата, барское имение и часть берега. За эту услугу я заплатил тринадцать московских рублей в казну и еще столько же на руки одному хорошему человеку. Сумма громадная, но и получал я не мало.

Вступать во владение мы ехали целой кавалькадой. Кроме моих присоединился Григорий с Фёдором, с ними два десятка воев. А также с нами выдвинулся судебный тиун с документом, подтверждающим мои права. С ним ещё десяток вечерной дружины. Они выдвинулись ранее в пешем порядке, а мы выехали позже. Встретились на месте.

Деревенька Микшата имеет две улочки, выходящие к реке. На мостках покачиваются несколько долблёнок. Народу почти не видно, пара собак проводили нас ленивым бреханием. Проехались по главной улице, женские лица мелькают

в окошках и испуганно исчезают в глубине. Пацанчик пробежал перед нами, но мамка выскочила из избы, перехватила его и моментально скрылась внутри.

Ну, я ожидал худшего. Заметно, что деревня знавала и лучшие времена. Сейчас заметны перекосившиеся плетни, всклокоченные крыши, где солому разметал ветер. Наверняка та падла, барин хренов положил большинство мужиков, вот и осталось одно бабье.

Отдав команду собрать местных я с недоумением наблюдал, как городские вояки выгоняли из изб жителей. При этом не брезговали тянуть что успеют. Пришлось прикрикнуть, это уже моё имущество.

– Господин, но они в своём праве. Всегда так было, берут что в руках унесут.

– А не хрена, скажи, что я каждому выплачу по четвертаку, чтобы порядок оставили.

Повеселевший тиун убежал успокаивать стражников и те побросали наеденное в избах.

Тот же тиун зачитал грамоту о смене владельца, – теперича вона ваш хозяин, – закончил он свою работу.

Народ выглядит апатично, им всё равно, кто придёт на смену хозяину. Хорошего от этого не ожидают. Половозрелых мужиков немного, десятка полтора, зато баб разного возраста десятков шесть плюс ребятня.

Закончив с представлением мы распустили народ и те с облегчением всосались в избы. Но теперь уже не прятались,

мужики заторопились по взрослым делам, детвора по своим.

На холме стоит хозяйское имение, к нему мы вернулись после того, как определились с границами моих новых владений.

Как мне прочитал тиун лекцию по дороге – поместья бывают чёрные тягловые, дворцовые, поместья и вотчины.

Первые – это государственные имения, второй собственность великого князя и его фамилии. Третьи – казённые имения, которых власть выдавала служивым людям вместо жалования за их службу. Такое имение нельзя продать, подарить, заложить или завещать. Перестал выводить дружину на воинские сборы, потерял имение. А вот вотчины имели своего владельца. Могли быть владычные, монастырские или иметь частного владельца. Таким является и моё.

Лично я доволен, деревенька совсем рядом с городом, на берегу Вятки. Отсюда рукой подать до цивилизации.

Само имение производит странное впечатление. Такое ощущение, что соединили два больших здания и получился целый комплекс.

– А раньше туточки было два хозяина, два имения. Потом один откупил участок у другого и объединил их.

В результате два строения имели переходы на уровне второго этажа. Фасады украшены затейливой деревянной резьбой, я заметил балкончик с торца одного дома. Многочисленные жилые и хозяйственные помещения раскинулись неподалёку.

Тиун выкрикнул команду и его вояки пошли выгонять народ наружу. Начался бедлам, вдруг многочисленная челядь высыпала с криками и горестными стонами на площадь перед усадьбой.

Нифига себе, да тут душ тридцать, в основном бабы. Детей не заметил.

Тиун не стал ждать когда народ уgomонится и опять крикнул своим, те ударами копия по мягким местам и спинам установили порядок.

Несколько минут бабский контингент слушал, а когда поняли смысл сказанного, опять завыли.

– А ну курвы, чего завыли?

Немного внимания со стороны стражи и опять настала тишина.

– А это стало быть дочка и жинка покойного, – и вперёд вытолкнули двух женщин. До этого они прятались позади. Заметно по богатой одежде, что они не холопки.

Тиун получил обещанные монеты и удалился с дружиной назад в город. А мы занялись приятным делом победителей, вхождением в наследство. Я только поручил своим присматривать за дружинниками моих товарищей. А то они уже начали присматриваться к местным молодухам. Это же моё хозяйство, поэтому придётся народу уgomониться.

Для себя приказал очистить один из домов, там где имелся резной балкончик. Бабьё выгнали, нашлась тётка, которая здесь типа завхоза.

– Лукерья, – представилась немолодая и полная женщина.

– Луша, – прикажи готовить трапезу для нас.

Тётка хотела что-то возвратить, но я уже развернулся и вышел из комнаты.

Развлекались мы четыре дня, даже выбрались на охоту. А когда я уже устал от большой компании, Гриша с Федей заторопились назад.

С облегчением я смотрел за уходящей дружиной. Много внимания требовалось, чтобы не набедокурили молодые парни. А сейчас в доме наконец-то тишина.

Челядь женского пола шуршит, убирая последствия нашего шествия. В моём здании большая зала и несколько хозяйственных помещений. На втором этаже четыре не малых спальни, одна из них моя. С балкончика открывается обалденный вид на лес и реку. Есть ещё светёлка под крышей.

Лукерья ведёт меня по территории, за мной следует Пахомка и Шуда. Последний ещё кривится, когда берedit рану, но уже приступил к исполнению своей обязанности по охране меня родимого. Шуда бдит за всем и пугает до непроходящей икоты бабский контингент. Сейчас в доме кроме меня проживают только ближники, Пахомка и Шуда устроились на первом этаже. Остальные бойцы остановились в отдельном доме. Раньше здесь жили бобыли, но с некоторых пор они закончились, а помещения как раз подходят под наши нужды. Хорошая печь, тёплый стены. На трапезы собираемся у меня, готовят еду на кухне, она находится в дальнем уг-

лу участка во избежание пожара.

Лукерья показала избы, где жила челядь. Мы зашли внутрь и вызвали переполох. Ну, что-то похожее я уже видел у Григория.

Усадьба вольготно раскинулась на вершине холма, чай не город, где соседи подпирают заборами. Участок ограждён острым тыном и заметом. Вот только подновить не помешает. За забором раскинулся сад, сейчас покрытый снегом.

– Ну, Луша показывай хоромы, – и я показал на последний дом, где я ещё не бывал.

Женщина растерянно посмотрела на меня, но увидев угрожающий взгляд Шуды порысила впереди.

Я понимаю, что вторгаемся на женскую половину, но мне это до лампочки. Обе красавицы вне закона, могу отдать их правосудию для дальнейшего исполнения постановления суда. А могу и забыть про их существование.

Первый этаж поменее моего, тоже обеденная зала и комната непонятого назначения. В ней сидели несколько молодых девок и что-то мастерили, вышивали. Пискнув они испарились при нашем появлении, а со второго этажа вывалилась целая бабская делегация, две бывшие хозяйки в окружении нескольких женщин.

– По какому праву... – я не стал дослушивать возмущение одной из них и скомандовал Шуде, – гони всех на улицу, хочу посмотреть, кто в моём доме живёт.

Десяток женщин разного возраста построились пред мо-

им отеческим взором. Уже виденные молодые девушки в количестве четырёх боевых единиц. Две бывшие хозяйки и пяток мамок зрелого возраста. По телосложению мамки годятся в молотобойцы, грузные с противными харями. Эти то не пашут в поле, обслуживают патронесс.

– Луша, в доме останутся только эти девчонки, пусть помогают по дому, остальных гони в шею. Определи их на время в избу для дворни, – а нет, так вот вам бог, а вот и порог.

Лукерья похоже смекнула, что власть поменялась окончательно, потому что махая руками начала выпроваживать сгруппировавшихся для отпора тётток. С божьей помощью выпроводили почтенных дам, дав собрать немногочисленные вещи. Шуда ткнул концом копья по тылу отстающих и те лихо вылетели на улицу.

– Луша, я не хочу видеть у себя в доме чужих. Только ты с девчонками и те, которых я пушу. Увижу, что в доме посторонние, выгоню тебя следом, поняла.

Судя по быстрым кивкам, поняла, дошло. Ненавижу бардак и ежели я оказался владельцем имения, то здесь будет так, как я хочу и не иначе.

Сразу стало легче дышать, со второй половины ранее доносились флюиды ненависти ко мне, а сейчас там обитают весьма приятные девчонки. Вместо своих вышиваний они снуют по дому, наводя порядок. К нам быстро привыкли, Пахомка и Шуда следили, чтобы мои дружинники не озорничали. Я им прямо сказал, если подыщут какую вдовушку

в деревне, благословлю и дам приданное. А в моём доме не безобразничать. Девчонки оказались сиротами или с дальних глухих деревень, родня давно их оплакала. Ввиду малого возраста были на побегушках, а вообще остаётся только догадываться, для каких целей их держал в доме Тимофей Вельяшев.

Пацанки оказались неиспорченные, смешливые. Мне нравится рассказывать им истории по вечерам. Пахомка с Шудой тоже застывают в дверях, боятся, что выгоню. Лукерья делает вид, что ей неинтересны детские сказки, но не может справиться с любопытством. Я даже из глубины комнаты вижу её оттопыренное ухо. Пересказываю сказки Пушкина, легенду о новгородском купце Садко и его хождение за три моря.

Девчата совсем молоденькие, лет по тринадцать-четырнадцать, глазки светятся от любознательности, приходится силком разгонять спать.

Особенно мне нравится самая мелкая, Стеша. Черноглазая мелочь страшна любопытна и буквально мучает меня вопросами. Она даже Пахомку заткнула за пояс в этом плане. У неё такой наивный взгляд, когда я дурю девок, путая их загадками, что становится неудобно. А как она заливисто смеётся – я сам начинаю улыбаться.

С моей командой первым делом занялись именем, поправили тын, повесили новые ворота взамен перекосившихся. Сейчас мы на ночь закрываемся и дежурит кто-то из пар-

ней. Я стал недоверчив к окружающим, лучше перебдеть, чем ....

В деревне пока никаких изменений, народ опасливо косятся на нас, но дела не бросают. Зимой крестьяне ремонтируют инвентарь, подновляют избы в ожидании весенних работ. Ввиду близости города, конный добирается по реке за полчаса. Это если с чувством и расстановкой. И мне это очень нравится, живёшь на природе, а цивилизация рядом – прям дачный посёлок.

– Мужик, а что ещё для деток имеется?

Я в сопровождении Шуды, Пахома и Сашки литвина прожываюсь по торговым рядам. Иду чинно, блюдя своё достоинство, слуги чуть позади, чай боярин идёт. С утра был в поместном приказе, где меня поставили на учёт. В отличии от служивого поместного дворянства, которые были обязаны ежегодно выставлять на смотр дружину согласно записям, потомственные дворяне этого делать не обязаны. В случае их участия в боевых действиях им следовали определённые преференции.

Мне торжественно вручили грамоту о моём праве называться потомственным дворянином Алексеем Дмитриевич Волков. И родовой знак у меня естественно «волк», подмазанный служка внёс меня в списки местного дворянства и с этого момента я нахожусь под защитой князя и подсуден только ему. В нашем случае посадника, а за это я обязан платить небольшие, на мой взгляд, налоги. В казну полагает-

ся отчислять личную подать. Подушную подать и церковную десятину дворяне не платят. Здесь и сейчас дворянство и духовенство освобождено от большинства налогов, но имелись и косвенные.

Потомственные дворяне не могли подвергаться телесным наказаниям, так что если меня менты опять повяжут, я отделаюсь устным внушением.

Вот в благостном настроении я и подошёл к инвалиду, вместо левой руки у него имелся настоящий железный крюк. Мужик бойко торговал с земли глиняными свистульками, он выкрикивал зазывалки и лихо свистел. Я нагнулся и поднял одну. Сделанная из калёной глины, птичка была ярко раскрашена и все изделия носили индивидуальный вид, отличались формой и цветом.

– А как же, господин хороший, вот ложки из рябины, есть всякие забавы для деток малых.

Инвалид вытащил и сумы свои подделки.

– И кто это у тебя такой затейник, так раскрашивает?

– А племяш, брательник лепит и отжигает, а Прошка раскрашивает.

Незаметно я увлёкся разговором, Макарий ещё не стар, слегка за сорок. Я бы дал поболее, но жизнь у бывшего дружинника нелегка. Он был десятником в дружине рязанского князя Олега Ивановича, руку потерял в стычке с татарами.

– Вот и торгую тут, на жизнь хватает, нас ведь трое осталось то.

Это он имеет в виду родного брата, мастера на все руки и его сына. Мамка сгорела от лихоманки три года назад, вот эта троица зарабатывает на жизнь, снимая угол на дальней слободе.

А он мне нравится, морда вся в шрамах, битый перебитый жизнью, а не сдался ведь. Говорит с юмором, рассказывая о своём жилье-былье. Таких не жалеют, таких стараются держать поближе.

Я пригласил мужика поговорить наедине, – а чего же не поговорить, поговорим.

Мы зашли в корчму для купеческого сословия и я махнул службе рукой. Тот услужливо протёр тряпкой стол и застыл в ожидании.

– Давай, тащи нам перекусить, что у вас подходящего имеется? Во, неси щи с пирогами. И курочку жарьте, да побыстрее, шевелись давай.

Парень усвистал и через пять минут ему на помощь выскочил мужчина постарше, – милости просим господин хороший. Сейчас мигом всё организуем.

Учитывая, что это заведения не для быдла, тут подавали в индивидуальной посуде, я тут обедал несколько раз и мне понравилось.

Горячие, наваристые щи (слава богу, что пост закончился) с квашенной капустой ушли в лёт. Макарий тоже не стал жеманиться и издавая шипящие звуки начал поглощать угощение. Потом закусили рыбным пирогом и в конце притащили

жаренного петуха. Его приговорили тоже, а чего в пять то рыл, досталось по кусочку.

Утолив голод мы продолжили беседу.

– Смотри, Макарий, мужик ты сурьёзный. Поэтому хочу предложить тебе место в моём имении, что в нескольких верстах от города. Мне нужен муж, который будет следить за порядком, чтобы чужие не шлялись. Надо будет взять ещё пару человек, ночью службу нести на воротах.

Интересно смотреть на гамму эмоций этого неунывающего человека. Он сразу согласился, заметно по задрожавшим пальцам оставшейся руки. Но сразу согласиться, значить показать свою нужду. Поэтому он закатил глаза, – а сколько положишь на службу?

– Да не обижу, мне главное дело.

Мужик стал серьёзным и промолвил, – Только я брательника с племяшом не брошу. Они мне помогать будут, не надо других искать.

Ну и хорошо, договорились, что завтра пришлю за ними сани.

Да, теперь у меня свой выезд. Сани и пара кляч к ним. Видимо одна не справляется с грузом.

А когда к обеду Пахом с Трифоном вернулись, то я увидел, как из саней выбрался Макарий с мужиком помоложе и пацан лет девяти. Малой прижимает к груди щенка, а ещё два сами выбрались на волю и пачкают снег.

– Доброго здоровьечка Алексей Дмитриевич, – всё никак

не привыкну, когда меня так называют.

– А мы тут с собачками, хорошие охранники вырастут.

Пополнение я определил поближе к воротам, там стояло заброшенная изба, где раньше хранили всякий мусор, что выкинуть жалко. А Макарий прошёлся и остановил свой выбор на этой избе, хотя были и другие

– А ничё, руки есть, подшаманим и будет лучше новой.

Я выделил ему в помощь пару деревенских мужиков и они за несколько дней обновили утепление, прочистили подремонтировали печь и заехали.

С приходом этой троицы у нас наладился пропускной режим. Макарий, как я его уважительно называл, ну не могу я его Макарьей величать, быстро разобрался, кто есть кто. Наладил тёплые отношения с Лукерьей, та командовала в доме над бабским контингентом. А отставник ведал воротами и порядком на территории и они не пересекались по работе. Я вооружил его тесаком и теперь инвалид преобразился. На выделенный аванс он прибархлился новой одежкой, это я заставил. Он, как никак, первое лицо, которого видят входящие на территорию.

Ночью его брат присматривает за порядком, за ним дружно бежит собачья троица. Пока толку от них немного, знай гадят и звонко облаивают лошадей с непривычки.

ночных дежурств и у меня появился повод их загружать по полной.

Всё, как и раньше, тренировки с оружием, объезд территории прилегающей к имению, вылазки на охоту для пополнения запасов. Народу то немало проживает, а обирать своих крестьян пока не хочу, и так небогато живут.

В этот вечер мы собрались всей дружиной, в полном составе. Отмечали удачную охоту, завалили кабанье семейство и сейчас на столе красуются куски хорошо прожаренного мяса и миски с солёными грибочками, квашенной капустой в нескольких вариантах. Выпечку привезли из города, это оказалось проще, чем самим печь.

В центре стола большая чаша со сбитнем. Его вкусно умеет варить одна моя тётка, это горячий напиток на основе мёда и пряностей. Отчётливо угадываются шалфей, зверобой и другие травы. Лукерья знает о моём пристрастии и часто подаёт его на стол.

– Погоди Трифон, не гоже пить без женщин, – я оттолкнул руку своего дружинника, который собрался черпануть братинкой горячего напитка.

– Луша, веди сюда наших затворниц, гулять будем. Агафон, помоги нашей хозяйке, а то гости разбегутся, где их потом искать.

Мужики недоумённо смотрят на меня, Обе бывшие хозяйки уже две седмицы сидят в людской и носа не кажут. Все позабыли про их существование. А тут я тяну женщин

на пир.

Но я боярин – самодур и в своей власти.

Я уже начал переживать, что-то задерживаются дамы, когда дверь распахнулась и обе приживалки оказались перед моими очами. Младшая прямо пышет злобой, с трудом скрывая эмоции. Мамаша прячет глаза под платком. Обе зябко кутаются в шали, сорвали их с постелей.

– Ну, гости дорогие, проходите пожалуйста. Эй, освободите место для них напротив меня.

Лют с Ерофеем потеснились и дамы наконец уселись за стол. Не стану утверждать, что девушки явились по собственной воле. Судя по потным физиономиям и злобным взглядам, Трифон немного им помог переместить свою задницы к нам за стол.

– Ну, барыни-боярыни. Не изволите – ка отпить сбитня с нами за компанию. Лют, плесни-ка соседкам сего дивного напитка.

– А что это вы морды корёжите, не по нраву мы вам пришлись? Или сбитень недостаточно сладкий? Попробуйте, будьте так добры.

Мужики уже вкурили, что происходит нечто необычное и придвинулись к столу.

– Эй, кто-нибудь, помогите дамам попробовать сбитня.

– Ну красавица, зачем же так нервничать? Теперь придётся с пола слизывать.

Младшая резким движением снесла полную чашу с на-

питком на пол, старшая сидит неподвижно, прикрыв глаза. Только подрагивающие веки выдают волнение.

Обе дамы мне страшно неприятны и руки чешутся отдать приказ спустить их бранные тушки в полынью. Особенно мерзка младшая, ей лет семнадцать, может чуть больше. Возраст точно не определить из-за ранней полноты. Дородная девица невысокого роста, немного рябая физиономия с серыми глазами. Круглое полное лицо с двойным подбородком было бы милостивым, но всё портило неприятное выражение глазок. Там и родовая спесь дворянки, избалованной отцом. И страх, и ненависть, и желание свести меня на тот свет.

Где-то её можно понять, за короткое время потерять кормильцев, отца и брата. И обоих по моей вине. И не важно, что они тати и душегубы. А вот я лишился её привычного образа жизни. Наверняка батюшка собирался пристроить чадо за знакомого боярина. И стала бы девица хозяйкой в своём доме. А тут она приживалка и зависит от моей прихоти. Вот и удумала, сучка, травануть меня и моих парней.

Всё продумала, нашла исполнителя, вернее исполнительницу, свою наперсницу. Та смогла достать отвар из корней белладонны, которого хватило отравить полную чашу сбитня. Если бы не одна мелкая, но очень любознательная особа, то я с дружиною уже сегодня бы получил смертельную дозу отравы и почувствовал бы недомогание. Несколько дней мучений и нас на входе бы встречал апостол Пётр с товарищем.

Вчера поздно вечером в мою комнату поскреблась мышка, её звали скромно – Степанидой. Девчушка робко сунула свой любопытный нос и я растерянно разрешил ей войти. Время позднее, что принесло юную особу в хозяйскую почивальню?

– Что хотела, Стеша?

А дальше из сбивчивого повествования узнал, за два часа до этого та заметила как мамка Глафиры, младшей Вельяшевой, вылила из флакона что-то в посудину, в которой кухарка варила сбитень. Девчушке показалось это странным и она подслушала разговор обеих женщин в избе, где те проживали. Подлюки планировали нас травануть и собирались сегодня же вечером бежать, чтобы не попасть под горячую руку. А когда мы откинемся, вернуться и закопать нас в мёрзлую землю.

Смыться им помешало то, что Макарий не выпустил, сказал, что снаружи не безопасно, балуют де какие-то городские прохвосты.

Вот эти особы и решили затаиться, дожждаться нашей кончины.

Только вот помешала одна мелкая и вредная особа.

Ну, с этой Глафирой всё понятно. А вот что делать со старшей Вельяшева, пока не знаю. Нужно выяснить степень её участия.

Приблизившись к старшей, сорвал платок, закрывающий лицо. У неё по обычаям голова покрыта платком и шапкой,

только она постоянно прячет лицо, опуская платок на самые глаза.

Интересно, я никогда ранее не обращал на неё внимания, только отметил, что тётка со странностями. Лицо скорее приятное, правильные черты лица портит впечатление излишняя бледность, закушенные злые губы и страх в глазах.

– Лукерья, а она точно мать этой девки? – это я заметил, что по возрасту мамаша молодовата для такой дочери. Или же родила лет в десять.

– Так, батюшка, какая же она мать. Глашкина мамаша померла родами, вот хозяин и взял новую, молодую стало быть. Мачеха она, как есть мачеха, – Лукерья пристроилась по левую руку и нашёптывает мне на ушко ценную информацию. Женщина определилась в наших отношениях и сделала ставку на меня. Хотя, какие у неё были варианты?

– Моя верная дружина, все поняли, что эти бабы хотели нас травануть, до смерти? В чаше со сбитнем сильный яд белладонна. Через пару дней нас отнесли бы на погост, после того, как изошли бы кровью через пот. Что будем с ними делать?

Дружный рёв подтвердил мои предположения, что сейчас никакой толерантности и плюрализма мнений не существует. Нет продажного адвоката, способного отмазать от тюрьмы.

Выслушав идеи, подвёл итоги.

– Ну, красавицы, есть следующие варианты, сжечь на ко-

стре, помучаться на колу, поплавать подо льдом или поболтаться на суку в лесу. Какой предпочитаете?

– Дьявол, будь ты проклят. Всю жизнь мою сгубил, оставил без папеньки, брата забрал. Христом богом прошу, не трогай.

Да, Глафира начала с угроз и быстро перешла к нытью, выпрашивая прощение.

– Ведите их в холодную под замок, завтра буду решать их судьбу.

Хорошо, что не приговорил злоумышленниц с горяча. Утром, да после хорошего завтрака всё выглядело немного не в таком зловещем свете.

Разбирательства заняли половину дня. Всё делалось почти открыто, кто первый родил идею отравления не понятно. Или Глашка, или её кормилица. Обе сейчас не в том состоянии, чтобы отвечать. Замёрзли немного в неотопливаемом помещении. Да и неохота мне их брехню слушать. А вот дворовые бабы раскололись перед строгой комиссией в моём лице, Шуда в качестве страшилища и Трифон для усиления. В принципе их ставка была на то, что дворня поддержит истинную хозяйку. Наивная дурёха, но прощать ей покушение на смертоубийство я не собираюсь.

Парни требуют крови, и чем больше тем лучше. Уже бронируются лучшие места в первых рядах. Развлечение какое, не каждый день казнят боярыню с наперсницами. Пришлось их немного разочаровать и прикрикнуть. Я тут хозяин или

вольница дружинная.

Покумекав, я решил судьбу этих женщин. Главную исполнительницу, Глашкину наперсницу прощать не буду, сдал тётку в Разбойный приказ. Обсказал всё знакомому мужику, тот снял показания, то бишь опросил видоков, благо их немало. Отдал ему же образец отравленного сбитня и меня заверили, что баба получит по заслугам. Ей грозит колесование, страшная казнь. Человека клали на землю лицом кверху и растянув ноги и руки, привязывали в таком положении. Тяжёлым колесом с железным обручем палач дробил кости, затем осужденного клали с переломанными руками и ногами на это же колесо и оставляли на мучительную смерть.

Служка в подробностях объяснил мне систему наказаний в подобных случаях. Многие вещи у меня не укладываются в голове.

К примеру, намедни один мастеровой по пьяне забил собутыльника медным ковшом до смерти. Суд его оправдал – поскольку «дело это на пиру явлено» и опьянение явилось смягчающим обстоятельством, мужик отделался вирой.

За нанесение тяжкий увечий, полагалось аналогичное наказание. Отрубил руку соседу, отрубят и тебе. Вырвал себе-седнику клочок волос из бороды – получи эпиляцию на том же участке.

Если суд не пришёл к решению, кто виноват – назначают божий суд. Оцепляли площадку и выходили на «ринг», где противники сходились в честном бою.

Теоретически даже женщина могла выйти в круг, отстаять свою честь. В этом случае, чтобы уравнивать шансы мужчина сражался, закопанный по пояс в специальную яму.

Возмездие за преступление, как правило было быстрым, долго не держали в порубе. Наказывали публично, при всём честном народе.

Вариантов казни придумали множество, на любой вкус – повешение, сажание на кол, отрубание головы, забивание камнями и батогами, кнутом, вырывание ноздрей с последующей казнью, утопление, сожжение, закапывание в яму, четвертование, заливание раскаленного металла в горло и так далее.

Лишение свободы в это время не выносили, даже тюрем специальных не было.

Казни делились на гуманные, быстрые и медленные, мучительные. Всё в соответствии с тяжестью преступления, колесование полагалось именно за отравление вышестоящего, чтобы другим не повадно было. Уж больно часто гибли сильные мира сего от банальной щепотки смертельного яда. Да и бог с ней, за что боролась...

А вот с Глафирой Вельяшевой я поступил иначе. Нашёл одного мужичка, тот подвизался городским золотарём. В принципе уважаемая и востребованная профессия, очистка от нечистот отхожих мест. Большая бочка на телеге, влекомая клячей медленно и торжественно шествовала по улицам города. Амбре конечно ещё то, зато уважаемый человек.

Вот за такого я и собираюсь выдать боярскую дочь Глафиру.

Тут есть такая тонкость – если, гипотетически, княжну выдадут за муж за смерда, её статус изменится и сравняется с мужниным, она будет холопкою. Глафира с дворянского звания опустится до представительницы посадской прослойки, то есть горожанки. Вроде свободная, но поражение в правах невиданное.

Прикол в том, что золотарь – мужик в возрасте сс своими прибабахами. Он завятой любитель посидеть в шинке и опрокинуть чарку, другую местного пойла. Домой каждый божий день возвращался на бровях. Вроде своим ходом, но в том самом состоянии, когда хочется всех домочадцев построить правильным образом с внушением кулаками.

Из последних у него была только жена. Несчастливая не выдержала такой жизни и повесилась. И сейчас сей достойный муж жаждал приобщить к своему миру другую дурищу. Все эти сведения я подчёрпнул от всеведущих соседей и мне показалось, что Глафире понравится такая жизнь.

После разговора с золотарём по душам мне удалось убедить его взять молодую жинку в дом. Жил тот на выселках, соседи не потерпели бы вони от его «бизнеса». Домик небольшой и неухоженный. А, при мысли о дебелой молодой доченьку пьяный и вонючий золотарь сначала принуждает к исполнению семейных обязанностей, а потом учит в соот-

ветствующем философском состоянии уму разуму.

Представил и мне прямо так захорошело, пусть молодой будет тихое семейное счастье. Золотарь даже согласился на мизерное приданное, мутные глазки затуманились вождедением – золотой души человек.

Глафиру через три дня силком запихали в возок и свезли в церкву, где батюшка освятил сей брак. И не важно, что молодая дико орала, увидев своего мужа. Счастья своего не понимает, молодая и глупенькая ещё. Батюшка удовлетворился денежным подношением, а молодые проследовали в свои хоромы на окраине города.

Наверное, Глаша ни разу не заходила в такой срачельник. Ну, всё бывает в первый раз. А нечего другому яму рыть, сам попадёшь.

А вот, что касается остальных. Все, кто был в курсе дела, переходят из разряда дворни в чёрные работницы. То есть вместо шуршания по барскому дому и хозяйству, бабы переходят на чёрные работы. Все, без исключения. Бывшая хозяйка тоже определена на уборку территории. Её я пожалел, она не участвовала в разработке и исполнении плана.

Теперь до нашего села от моего имения конным ходом неполный световой день. Я уже второй раз навещаюсь в село.

Встаём вольготно, завтракаем, запрягаем и выезжаем. Часам к трём уже подъезжаем к селу. Я решил не оставлять своего участка, здесь у меня часть инструмента и металла

припрятаны. Не хочу светить своими чудесами работников имения. В первую ходку я забрал Митяя с его новой пассией, Малушей. Та уже с приличным пузом, теперь они в Микша-те, Маня пока одна осталась на хозяйстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.